

Т. И. АФАНАСЬЕВА

К вопросу о литургической реформе при митрополите Алексии: Чудовский литургиарий третьей четверти XIV в.*

XIV век является у славян временем активной переводческой деятельности, вызванной прежде всего сменой богослужебного устава и правкой всего корпуса богослужебных книг. Правленные по Иерусалимскому уставу славянские служебники конца XIV—XV в. в большинстве своем содержат литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров в двух широко распространенных правленных редакциях: Афонской и Киприановской.¹ Обе правленные редакции активно переписывались в течение последующих столетий и были положены в основу печатных изданий, Афонская — в основу Венецианских (с 1519 г.), Киприановская — в основу Московского первопечатного служебника (1602).

Однако в правленных по новому уставу служебниках встречается еще одна редакция литургий, представленная небольшим числом списков. Именно эта редакция и рассматривается в этой статье. У нас есть основания предполагать, что она создавалась на Руси до появления Афонской и Киприановской редакций и была связана с деятельностью книжников круга митрополита Алексия (1354—1378). Важно отметить, что эта редакция выделяется только при коллации текстов литургий, другие последования, входящие в служебник, например вечерня, Великое освящение воды на Богоявление, вечерня на Пятидесятницу, в этой редакции неизвестны. Поэтому мы можем предположить, что до Киприана на Руси подверглись правке только последования литургий.

Известно, что именно митрополит Алексий, рукоположенный византийским патриархом-литургистом Филофеем Коккином, начал проводить литургические реформы на Руси. Он основал в Москве общежительные монастыри, для одного из которых — Чудова — была создана ктиторская версия Иерусалимского устава, известная по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 329.² С именем митрополита Алексия традиционно связывают особую ре-

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-04-04147а, Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 04-06-80180а

¹ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров: Текстология и язык. СПб., 2004. С. 41—48.

² Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в русской церкви в третьей четверти XIV столетия: Литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси // Символ. 1993. № 29. С. 217—224.

дакцию Евангелия, главным представителем которой является Чудовский Новый Завет.³ Кроме этого, святителю Алексию приписывается перевод Устава Божественной литургии, находящийся в Ватиканской рукописи Vat. slav. 14.⁴ При сравнении литургий интересующей нас редакции и Чудовского Нового Завета, выясняется, что эти тексты имеют много общих особенностей, что позволяет предположить, что они переводились в одно время и в одном кругу славянских справщиков.

Рассмотрим подробнее особенности этой редакции, которую мы будем называть Чудовской, и сравним ее с характерными чертами Чудовского Нового завета.

1. Источники

Интересующая нас редакция литургий, как и Чудовская редакция Нового Завета, содержится только в русских рукописях конца XIV—первой половины XV в. В настоящий момент известны следующие списки Чудовской редакции. Литургия Преждеосвященных Даров известна в четырех служебниках (ГИМ, Синодальное собр., № 601 (далее — ГИМ, Син. 601); БАН, Архангельское собр., Д.9 (далее — БАН, Арх. Д.9); РНБ, Погодинское собр., № 36 (далее — РНБ, Погод. 36); РГБ, собр. Московской Духовной академии, № 79 (далее — РГБ, МДА 79)). Литургия Василия Великого известна в двух списках (БАН, № 17.12.1; РГАДА, собр. Синодальной типографии, № 42 (далее — РГАДА, Син. тип. 42)). Литургия Иоанна Златоуста пока известна только в одном списке (РНБ, Погодинское собр., № 36 (далее — РНБ, Погод. 36)), где она вставлена в особую редакцию Устава Божественной службы патриарха Филофея, составление которой А.М. Пентковский приписывает митрополиту Алексию.⁵

Очень важная особенность Чудовской редакции состоит в том, что все три принадлежащие ей литургии — Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров — редко встречаются в служебниках вместе, они рассредоточены по разным рукописям и соседствуют с литургиями других редакций. Литургия Василия Великого Чудовской редакции в рукописи БАН, 17.12.1 соседствует с литургией Преждеосвященных Даров Афонской редакции, а в РГАДА, Син. тип. 42 — Киприановской. Литургия Преждеосвященных Даров Чудовской редакции в рукописях ГИМ, Син. 601, БАН, Арх. Д. 9 и РГБ, МДА 79 находится вместе с литургиями Иоанна Златоуста и Василия Великого Киприановской редакции, а в рукописи РНБ, Погод. 36 — с литургией Василия Великого древнерусской редакции.

Все литургии Афонской и Киприановской редакций, наоборот, в большинстве случаев встречаются в служебниках вместе и составляют единую литургиарную часть служебника (например, в служебниках РНБ, Софийское собр., № 975; РНБ, Софийское собр., № 534; РНБ, Погодинское собр., № 37 — Афонская редакция; собрание Ватиканской библиотеки Vat. slav., 14, ГИМ,

³ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 191—194.

⁴ Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований... С. 225—234.

⁵ Там же.

Синодальное собр., № 269; РНБ, Соловецкое собр., № 1018/1127 — Киприановская редакция).

2. Состав последования

Представим в виде таблицы состав последования литургий Чудовской редакции. В первом столбце приводится состав и заголовок литургии Иоанна Златоуста, известной по одному списку, во втором — литургии Василия Великого, сохранившейся в двух списках и в третьем — литургии Преждеосвященных Даров по четырем известным спискам.

Как видно из таблицы, изучаемая редакция характеризуется нестабильным составом последования. Литургия Иоанна Златоуста пока известна только в одном списке РНБ, Погодинское собрание № 36, где она находится в составе устава литургии.

Литургия Василия Великого известна в двух вариантах. Первый вариант — полное чинопоследование, содержащее молитвы антифонов, трисвятого и входа. Второй вариант — неполное чинопоследование, начинающееся с молитвы об оглашенных. Неполный тип характерен для всех южнославянских и только для двух русских служебников XIII—XIV вв. (РНБ, О.п.1.5 и РНБ, Q.п.1.67), полный тип — только для русских служебников XIV в., содержащих древнерусскую редакцию этой литургии (РНБ, Софийское собр., № 520; РНБ, Софийское собр., № 521; РНБ, Соловецкое собр., № 1016/1125). Ближайшим к архетипу Чудовской редакции следует признать неполный вариант, находящийся в рукописи РГАДА, собр. Синодальной типографии, № 42, по следующим причинам. Во-первых, неполный состав последования, начинающийся с молитвы об оглашенных, характерен для греческих евхологиев XIII—XIV вв. и Афонской редакции этой литургии, например: РНБ, Погодинское собр., № 37; РНБ, Q.п.1.48; РГБ, собр. Попова, № 101 (М.2447), ГИМ, Хлудовское собр., № 114. Чудовская редакция, составлявшаяся на основе греческих и славянских правленных текстов литургии, должна была по составу соответствовать именно им. Во-вторых, лингвистическая правка,

Т а б л и ц а

Литургия Иоанна Златоуста	Литургия Василия Великого		Литургия Преждеосвященных Даров		
	РНБ, Погод. 36	БАН, 17.12.1	РГАДА, Син. тип. 42	РНБ, Погод.36	ГИМ, Син. 601; РГБ, МДА 79
В уставе Божественной службы	Полный состав по- следования (с молитвами антифонов, входа и Три- святого)	Неполный состав после- дования (без молитв анти- фонов, входа и Трисвятого)	Пол- ный состав (с вечерни- ми молит- вами)	Не- полный состав (без ве- черних молитв)	В уста- ве литургии Прежде- освящен- ных Даров
Оуказъ службы ивановы	Бжственаа литургия иже въ стхъ ѡца нашего стала великаго васильа		бжственаа литургия преждеосвященыхъ		

характерная для этой редакции, прослеживается начиная с молитвы об оглашенных. Начальная часть литургии в рукописи 17.12.1 (молитвы антифона, Трисвятого и входа), а также особые молитвы, читающиеся на Великом входе и перед анафорой,⁶ разделяют чтения древнерусской редакции. Они, по-видимому, появились в исправленном тексте литургии Василия Великого при распространении его в Новгороде, где еще прочно сохранялась древнерусская редакция службы.

Литургия Преждеосвященных Даров представлена тремя вариантами. Первый вариант представляет собой последование более позднего типа с вечерними молитвами в составе литургии, что соответствует правленным в XIV в. редакциям. Второй вариант — это последование раннего типа без вечерних молитв, начинающееся с сугубой ектении, что соответствует древнерусской редакции этой литургии. Третий вариант — это последование в «Уставе Преждеосвященной службы». Неполный тип чинопоследования, на наш взгляд, является ближайшим к архетипу редакции, так как во всех молитвах этого типа отчетливо проявляется правка текста. Полный тип появился позже путем внесения в начало литургии трех вечерних молитв из древнерусской редакции.⁷

Нестабильность состава последования литургий может быть объяснена двумя основными причинами. Во-первых, при создании Чудовской редакции, по-видимому, правились только молитвы литургий; тексты уставных замечаний, описывающих действия священника и дьякона во время службы, не входили в архетип редакции. В дальнейшем при переписывании исправленные тексты молитв объединялись, как это было принято у славян, с фрагментами уставных замечаний, как архаичными, так и новыми, появившимися под влиянием южнославянских правленных редакций, в результате чего возникали разнообразные последования. В отличие от Чудовской Афонская и Киприановская редакции образуют с текстами уставных замечаний единое целое, а значит, молитвы литургии и тексты уставных замечаний правились вместе. Во всех списках этих редакций рубрики находятся на фиксированном месте в последовании и представляют собой устойчивые тексты.

По мнению М. Арранца, евхологии в Византии существовали в виде свитков и в виде кодексов. Свитки преимущественно использовались в Константинополе, в Великой церкви, евхологии-кодексы составлялись на основе свитков для периферийных церквей.⁸ Свитки из-за нехватки места характеризуются отсутствием рубрик и содержат только молитвы священника и дьяконские ектении. Евхологии-кодексы, особенно периферийные, удаленные от крупных литургических центров, включали в себя уставные замечания для удобства использования.⁹ Славянские служебники в большинстве своем содержат подробные литургические рубрики. Весьма вероятно, что при со-

⁶ Имеются в виду молитвы «Благодателю всех и твари всякая сдетелю...», «Господи животворяй благим дателю...» и «Господи любви творче...», которые часто встречаются в древнерусской редакции литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого и вытесняются из состава последования при исправлении литургии в XIV в.

⁷ См. подробнее: *Афанасьева Т. И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров. С. 51.

⁸ *Arranz M.* La liturgie de l'Eucole Slave du Sinai // *Orientalia Christiana Analecta*. Roma, 1988. N 231. P. 21.

⁹ *Jacob A.* Histoire du formulaire grec de la liturgie de Saint Jean Chrysostome. Louvain, 1968 (неизданная диссертация). P. 29.

ставлении Чудовской редакции на Руси также были использованы свитки, причем каждая литургия могла помещаться на отдельном свитке. В дальнейшем при переписывании в служебник-кодекс одна из литургий могла оказаться в соседстве с литургией другой редакции, а также могла быть снабжена рубриками из разных формуляров литургии.

Во-вторых, Чудовская редакция составлялась в период активного процесса реформирования, когда одновременно сосуществовали различные варианты состава последования литургии. Афонская и Киприановская редакции — это окончательный этап процесса исправления служебников, поэтому они гораздо стабильнее.

Чудовская редакция Нового Завета также имеет вариантность в структуре текста и в литургических указаниях. Сам Чудовский Новый Завет содержит архаичную разметку текста на Аммониевы главы, тогда как более поздние его списки (РНБ, Погодинское собр., № 21; РНБ, О.п. I. 1; РГБ, ф. 304/III, № 6 (Никоновское четвероевангелие)) имеют разметку по зачалам, что характерно для Афонской редакции Евангелия. Лекционный аппарат Чудовского Нового Завета содержит указание на архаичные литургические особенности, например служение литургии Преждеосвященных Даров в Пятницу Страстной седмицы, тогда как другие списки такого упоминания не имеют.¹⁰ Таким образом, как и Чудовский Новый завет, Чудовский литургиарий — это один из ранних этапов правки текста, совмещающий как архаичные литургические особенности, так и новые.

3. Место Чудовской редакции в славянской рукописной традиции

Чудовская редакция литургий занимает сходное с Чудовским Новым Заветом место в славянской рукописной традиции. Место Чудовского Нового Завета в славянской традиции впервые было определено Г. А. Воскресенским, который относил его к третьей редакции.¹¹ По мнению Г. А. Воскресенского, Чудовский Новый Завет содержит слой древнейшей славянской редакции, включает чтения древнерусской редакции, а также близок правленным редакциям Евангелия и Апостола, распространявшимся с Афона. В настоящее время уточнено, что Чудовский Новый Завет зависит от Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского,¹² перевод которого, возможно, был выполнен в Древней Руси.¹³ Кроме того, этой редакции свойственны индивидуальные чтения, отличающиеся буквализмом перевода.

Чудовский литургиарий, так же как и Чудовский Новый Завет, содержит слой архаических чтений, характерных для старославянских памятников, разделяет чтения древнерусской редакции литургий (примерно две трети от общего объема разночтений) и имеет большое число соответствий правле-

¹⁰ *Пентковская Т. В.* Чудовская редакция Нового Завета и ее взаимоотношение с другими редакциями. // *Palaeobulgarica*. 2003. N 3. С. 42—44.

¹¹ *Воскресенский Г. А.* 1) Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879; 2) Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия по 112 рукописям XI—XV вв. М., 1896.

¹² Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеевым, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкой и др. СПб., 1998. С. 16—17.

¹³ *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 178—179.

ным редакциям литургий. Чудовская редакция литургий имеет и ряд ярких индивидуальных чтений, отличающихся либо буквализмом перевода, либо весьма редким употреблением в литургических текстах. Судьба Чудовского литургиария, не получившего в дальнейшем широкого распространения, схожа с судьбой Чудовского Нового Завета. Оба этих памятника представлены единичными списками конца XIV—XV в. и были вытеснены из употребления афонскими редакциями.¹⁴

Показательно, что Литургия Иоанна Златоуста Чудовской редакции сохранилась в наименьшем количестве списков. Как наиболее употребительная, она гораздо больше подвергалась контролю при копировании, и весьма редкая Чудовская редакция была быстро вытеснена из обращения. Литургия Преждеосвященных Даров сохранилась в большем количестве списков, возможно, потому, что попала в служебник, связанный с именем Киприана (ГИМ Син. 601).¹⁵

4. Особенности славянского перевода

В настоящее время осознана недостаточность лексического критерия для датировки и локализации перевода. Однако сопоставление особенностей перевода Чудовского Нового Завета и Чудовского литургиария возможно, к сожалению, только на лексическом уровне. Дело в том, что язык литургических молитв гораздо беднее грамматическими и синтаксическими конструкциями, чем нарративные тексты Священного Писания. Основные компоненты молитвы — восхваления Бога, выраженные причастиями и прилагательными, и ряд просьб к нему, для передачи которых используется повелительное наклонение. Поэтому в греческих текстах литургий не встречаются те языковые элементы, которые вызвали специфические особенности славянского перевода Чудовского Нового Завета — употребление Praesens historicum¹⁶ и составные относительные местоимения *ὅστις*, *ἥτις*.¹⁷ Кроме того, тексты литургий невелики по объему, литургиарная часть служебника занимает не более сотни страниц в 4-ю долю листа, написанных крупным уставом, и, следовательно, языкового варьирования в литургиях значительно меньше, чем в Новом Завете. Тем не менее в ряде случаев Чудовский литургиарий и Чудовский Новый Завет имеют общие особенности, свидетельствующие о близости переводческих приемов.

1. Чудовский литургиарий содержит слой весьма редких чтений, известных в старославянских памятниках, но не получивших в дальнейшем широкого распространения. Приведем наиболее яркие примеры (вариант Чудовского литургиария на первом месте среди славянских разночтений).

тїс тоў лoutpoў пaлγγγενεσίaς — вани пакзыроженна : вани пакзыбзйтѣцѣи, вани пакзыбзйтна. Данное чтение содержится в литургии Иоанна Златоуста и в литургии Василия Великого. Вариант пакзыроженне весьма редко встре-

¹⁴ Там же. С. 195.

¹⁵ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. С. 48—55.

¹⁶ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 194.

¹⁷ Пентковская Т. В. Особенности перевода греческого местоимения *ὅστις* в Чудовском Новом Завете // Древние языки в системе университетского образования: Их исследование и преподавание. М., 2001. С. 62—80.

чается в древних памятниках, он отмечен еще только в служебнике Варлаама Хутынского XII в.,¹⁸ а также в несколько измененном виде — пакъипорожение — известен в переводных памятниках — «Пандектах» Никона Черногорца и в 16 Словах Григория Богослова с толкованиями.¹⁹ Его можно интерпретировать как древнее, так как варьирование *взѣтиє* (τὸ εἶναι, γένεσις) : рождение (γένεσις, γενεσία) имеется уже в старославянских памятниках. По сложившейся у славян традиции γένεσις стало переводиться как *взѣтиє*, тогда как рождение, более точный перевод, распространения не получило.

ἀέρας — *аєрзы* : *въздочхъ*. Грецизм *аєръ*, известный в некоторых старославянских текстах,²⁰ встречается в Чудовских литургиях не как литургический термин (т.е. покров, здесь грецизм сохраняется и в правленных редакциях уставных замечаний), а в своем обычном значении «воздух» и содержится в анафоре литургии Василия Великого.

πονηρός — *пониривьина* : *зълъ*, *ложкавъ*. Слово *пониривьина* известно старославянским памятникам, Синайскому евхологию и Супрасльской рукописи.²¹ Это слово также считается характерным для преславской редакции Евангелия.²² Однако гораздо более частотным вариантом для передачи греческого *πονηρός* в тексте литургии являются *зълъ*, *ажкавъ*. В древнерусском языке это слово приобрело переносное значение «хитрый, коварный», зафиксированное уже ранними памятниками в разных лексико-фонетических вариантах — *пронырливый*, *проноривый*.²³ Известны от этого корня и все части речи: наречия, глагол, существительное. В словарях сербского и болгарского языков слово отсутствует. Все это позволяет предположить, что к моменту создания Чудовской редакции литургии, т.е. в XIV в., это слово на Руси было распространено значительно больше, чем в южнославянских памятниках, и было региональной особенностью церковнославянского языка русского извода. В Чудовском Новом Завете эта лексема встречается несколько раз, тогда как в правленных редакциях Евангелия она не известна. (*понирива* их дѣла : *понира̀ τὰ ἔργα* — Ин. 3:19, Мф. 7:11).

γενέσθαι λειτουργούς — *взѣти служебникъ* : *взѣти служителемь* : *взѣти въ службю*. Архаичным и малораспространенным вариантом следует считать слово *служебникъ* в значении «священнослужитель» в соответствии с греческим *διάκονος*, которое известно в хорватской редакции жития св. Вацлава и в старославянской молитве против дьявола, т.е. в памятниках западнославянского региона.²⁴ В древнерусском языке такой вариант встречается чаще, чем в старославянских памятниках (например, в 1-й Новгородской летописи, в грамотах и юридических документах),²⁵ поэтому его можно расценить как региональный вариант, не соответствующий общеславянским нормам церковнославянского языка XIV в.

¹⁸ Slovník jazyka staroslověnskeho. Praha, 1982. Т. 3. Р. 8.

¹⁹ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 2000. Т. 6. С. 345.

²⁰ Старославянский словарь по рукописям X—XI веков. М., 1994. С.67.

²¹ Там же. С. 523.

²² *Славова Т.* Преславска редакция на кирило-методијеви старобългарски евангелски предв // Кирило-Методијевски студии. София, 1989. Кн. 6. С. 72.

²³ Срезневский. Материалы. Т. 2. С. 1550—1551.

²⁴ Slovník jazyka staroslověnskeho. Praha, 1985. Вып. 37. Р. 121; *Miklosich F.* Lexikon palaeo-slovenico-graeco-latinum... Vindobonae, 1862—1865. Р. 158.

²⁵ Срезневский И. И. Материалы. Т. 3. С. 431.

σεμνῆ πολιτεία — въ краснѣмъ житии : въ чистѣ жизни : въ чистотѣ : чьстнѣ жителѣствѣ; ἐν πᾶσι εὐσεβεῖ καὶ σεμνότητι — во всякомъ благочетии и красотѣ : въ всѣмъ блговѣрии и четотѣ. Весьма редкой и необычной особенностью языка Чудовской редакции литургий является употребление слов красота, краснзи для передачи греческого σεμνότης, σεμνός (священный, благочестивый, почитаемый). В большинстве старославянских памятников краснзи соответствует греческим ὡραίος, τέλειος, περικαλλής.²⁶ Для передачи греческого σεμνός используется чьстннѣ.²⁷ В древнерусском литературном языке слова «красота» и «красивый» приобретают много оттенков значения: как общепринятые «красивый, прекрасный, милый», так и «праведный, добродетельный, достойный», зафиксированные в древнерусских переводных произведениях — в Хронике Георгия Амартола, Пандектах Никона Черногорца и 16 Словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского.²⁸ Однако этот вариант не был нормативным в богослужебных текстах XIV в. и не вошел в Афонскую и Киприановскую редакции литургий.

ὀλιγοψυχούς — кроуподшнзи : малодшнзи. Вариант кроуподшнзи и кроуподочхнн (от кроупзи — мелкий, малый) относится к очень узкому кругу переводных текстов XII—XIV вв. — Толковому евангелию Феофилакта Болгарского, 16 Словам Григория Богослова, Прологу 1313 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 239) и к Поучениям Ефрема Сирина XIII в. наряду с общепринятым малодшнѣ.²⁹ В древнерусском языке оно представлено не только переводными, но и оригинальными памятниками: Киево-Печерским патериком, Житием Стефана Пермского, посланием епископа Симеона к иноку Поликарпу XIII в. Наречие кроупо и глагол кроуподочшествовати фиксируются в древнерусском языке в непереводах памятниках.³⁰ Таким образом, это также региональный вариант церковнославянского языка, не вошедший в Афонскую и Киприановскую редакции.

πλημέλητα — лихновение : прегрѣшение, сзгрѣшение. В большинстве старославянских памятников греческое πλημέλητα передавалось славянским прѣгрѣшение. Позднее, когда южнославянские переводчики пытаются разграничивать при переводе греческие синонимы, появляются варианты и в славянских текстах. В данном случае видна попытка поморфемного перевода, когда греческое πλην-, означающее «сверх, больше чем», передается славянским корнем -лих-, имеющим тождественное значение. Слово лихновение в соответствии с греческим πλημέλητα является характерным для преславской редакции текста Псалтыри.³¹ Также оно известно в четьих вариантах Восьмикнижия — книгах Левит и Числа по списку Троице-Сергиевой лавры XIV в.³² Это малораспространенное слово при переводах XIV в. не рассматривалось как нормативное и было устранено из текста литургий.

²⁶ Старославянский словарь. С. 293.

²⁷ Там же. С. 787

²⁸ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. 4. С. 291.

²⁹ Срезневский. Материалы. Т. 1. С. 1336.

³⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Т. 8. С. 88.

³¹ Карачорова И. Редакции древнеславянского перевода Псалтыри по языковым данным // Полата книгописная. 1985. № 14—15. С. 31.

³² Срезневский. Материалы. Т. 2. С. 26.

2. Характерной особенностью Чудовского Нового Завета являются грецизмы и буквальные греческие соответствия, кальки. Схожие варианты имеются и в Чудовской редакции литургий.

παῖδα ὡψήσον — дѣтѣводи : накажи : въспитѣи. Важно отметить, что подобный грецизм, не зафиксированный ни одним словарем, имеет место и в Чудовском Новом Завете, в Послании к Галатам 3:24: ἡκοίμη законъ дѣтѣводець намъ възъсть желание. В других редакциях Евангелия этому чтению соответствует песточнъ.

χειμαζομένων — зимнѹемъимъ : волнуѹщемса : трюждаѹщимса : обовуреваемъимъ. Греческое слово χειμα имело значение не только «зима», но и «буря», и глагол χειμάζω означал не только «зимовать», но и «бушевать». В страдательном залоге этот глагол имел переносные значения «быть обуреваемым, волнуемым чем-то, удрученным». Вариант Чудовской редакции самый буквальный из всех существующих в текстах литургий, а буквализм перевода — это характерная черта переводов Чудовского Нового Завета.

ὁ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραγαγών — иже ѿ несыщихъ въ естье приведзи (Чуд.) : приведзи ѿ незытиа въ зытие, иже ѿ незытиа въ еже зытии приведъ. Буквальным переводом можно также считать естье, соответствующее греческому инфинитиву τὸ εἶναι. Буквальзм перевода здесь заключается в выборе славянской формы естье, фонетически и графически наиболее близкой к греческой, а не общепринятое зыти, зытие.

3. Лингвистической особенностью Чудовского Нового Завета является особое буквальное употребление лексемы кѣтеръ. Исследования Т. В. Пентковской показали, что в старославянских памятниках кѣтеръ соответствует греческому τίς, в более поздних переводах встречаются случаи, когда кѣтеръ соответствует греческому ἕτερος. В Чудовской редакции Нового завета употребление кѣтеръ, соответствующее греческому ἕτερος, нормативно, тогда как другие редакции Евангелия имеют варианты дроугъзи, инзи.³³ Такая же особенность характерна и для Чудовской редакции литургии Василия Великого, где есть следующее разночтение:

ἕτερον πρὸς τὸ ἕτερον — кѣтеръ кѣтеру : дроугъзъ къ дроугъ.

4. В Чудовской редакции литургий, как и Чудовском Новом Завете, наблюдается вариантное употребление единочадъзи и единороднъзи для передачи греческого μονογενής.³⁴ Правленные редакции как Евангелия, так и литургий всегда употребляют вариант единороднъзи, древние редакции только единочадъзи. Наличие обоих вариантов в Чудовской редакции свидетельствует о переходном тексте, совмещающем как древний, так и новый вариант.

5. Чудовская редакция имеет большое число соответствий правленным редакциям. Это проявляется на лексическом уровне, например (чтение Чудовской редакции и правленных редакций на первом месте, архаичное чтение — на втором):

не ѡрни мене : ни непотребна ма створи μηδὲ ἀποδοικιάσῃς με;

познание : ραζοуимъ ἐπίγνωσις ;

печать : знамение σφραγίς ;

самъ : тзи αὐτός ;

³³ Пентковская Т. В. Чудовская редакция Нового Завета. С. 37—42.

³⁴ Там же. С. 36—37.

исполнение : кончина πλήρωμα ;

истьщи себе : смѣрися ѡб ѡбѡсѡсѣн.

Кроме большого числа лексических соответствий, в Чудовской редакции литургий широко используются поморфемные переводы, переводы, учитывающие залоговые формы оригинала (активный залог передается активным, пассивный и медиопассивный — пассивным с частицей «ся») и перевод греческого целевого инфинитива с помощью славянской конструкции въ еже + инфинитив: въ еже призывати бл҃гдѣть : на призывание бл҃гдѣти εἰς τὸ ἐπικαλεῖσθαι τὴν χάριν.

Итак, сопоставление Чудовской редакции с Афонской и Киприановской показывает, что изучаемая нами редакция несомненно выполнена в духе стилистических исправлений XIV в., однако имеет ряд своеобразных черт, сближающих ее с редакцией Чудовского Нового Завета.

Во-первых, это лексические варианты, имеющие соответствие лишь в узком кругу славянских памятников. Большинство из приведенных чтений Чудовской редакции литургий, будучи древними южнославянскими по происхождению, в XIV в. являлись региональными вариантами церковнославянского языка русского извода и при формировании правленных редакций были устранены из текста как несоответствующие нормам церковнославянского языка этого времени. По наблюдениям Т. В. Пентковской, своеобразие Чудовской редакции Нового Завета во многом складывается благодаря особым представлениям о лингвистической норме, когда зачастую используется периферийный вариант церковнославянского языка, тогда как в задачу афонских справщиков входило избавиться от существовавшего разнообразия и составить стабильный унифицированный текст, опираясь на основные варианты церковнославянской нормы.³⁵

Во-вторых, наличие буквалных переводов и калек с греческого, не встречающихся в других памятниках, имеющих соответствие в Чудовском Новом Завете.

В-третьих, неустойчивость состава последования всех литургий свидетельствует о нестабильности литургической практики в период составления редакции, что характерно для середины—третьей четверти XIV в., когда в разных регионах славянского мира идет активная правка богослужебных текстов. Окончательные варианты редакций литургии, Афонская и Киприановская, имели стабильный состав последования, не содержали архаичных литургических особенностей и были положены в основу печатных изданий. Такая же картина характерна и для Афонской редакции Евангелия.

В-четвертых, судьба Чудовской редакции литургий оказалась схожа с судьбой Чудовского Нового Завета: оба этих памятника представлены единичными списками и в XV в. были вытеснены из обращения афонскими текстами.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что изучаемая нами редакция литургий и Чудовский Новый Завет связаны с одним и тем же кругом славянских книжников, занимавшихся исправлением богослужебных текстов на Руси до реформ Киприана, имевших определенное представление о норме церковнославянского языка и использовавших сходные по происхождению источники.

³⁵ Там же. С. 42.